

БЕСЪДА ДЕСЯТАЯ.

Въ разговорѣ со всѣми присутствующими Сократъ защищаетъ отъ разныхъ возраженій, развиваетъ и объясняетъ высказанную имъ ранѣе теорію времени. Различными примѣрами и соображеніями онъ старается объяснить, что, хотя мы, по свойствамъ нашей природы, и не можемъ представить и вообразить себѣ безвременности бытія и міра, но что тѣмъ не менѣе для разума она доступна и понятна, что, по его мнѣнію, отражается даже во многихъ вѣрованіяхъ и легендахъ всѣхъ народовъ. Во время этихъ объясненій Сократъ защищаетъ положенія, что связь и отношеніе причины и слѣдствія безвременны, что процессъ развитія также безвремененъ и что одни и тѣ же события могутъ быть понимаемы и временными моментами и фазисами развитія, смотря по точкѣ зрѣнія, съ которой мы на нихъ смотримъ. Въ заключеніе этой бесѣды Сократъ указываетъ на важную задачу, которую выполняетъ наше мышеніе тѣмъ, что, при размыщеніи въ исторической временной перспективѣ актовъ дѣятельности всѣхъ субстанцій, составляющихъ міръ, оно соблюдаетъ всѣ реальные отношенія этихъ актовъ.

Въ воскресенье, въ 5-мъ часу, я отправился обѣдать къ Карамазовымъ и, къ крайнему своему удивленію, засталъ собравшихся у нихъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ царскосельской эк-

скурсії, за исключениемъ Сократа. Всѣ сидѣли въ гостинной и разговаривали какъ разъ о возможныхъ причинахъ этого удивительного события, что Сократъ запоздалъ. Калгановъ высказывалъ предположеніе, что, вѣроятно, Сократъ послѣ обѣда на имениахъ своего начальника, вечеромъ очутился у кого либо изъ своихъ сослуживцевъ и засѣлъ, какъ это иногда съ нимъ бывало, на цѣлую ночь подъ праздникъ въ винѣ. „Очень жалѣю,“ говорилъ Калгановъ, „что я не догадался забѣхать за нимъ, узнать, что съ нимъ! Продулся, должно быть, и съ горя подъ утро такъ крѣпко заснулъ, что развѣ теперь только проснусь!“

„Да ужь не случилось-ли чего съ нимъ?“ говорила съ участіемъ и тоскливо Катерина Ивановна, „право, я всегда боюсь за него! Онъ такъ увлекается, несмотря на свой уже преклонный возрастъ, и разговоромъ, и винтомъ, и винца выпить любить.“

Калгановъ. Не бойтесь, Катерина Ивановна! Съ него все, какъ съ гуся вода! Я ужь сколько лѣтъ его знаю, а, слава Богу, и не помню, когда онъ бывалъ боленъ. Развѣ что иногда разстроитъ себѣ желудокъ, неумѣренно покушавши какой-нибудь ботвины или окрошки; да и то, какъ выпьетъ хорошаго цуншу или теплаго глинтвейну, такъ какъ рукой сниметь!

Карамазовъ. „Дай-то Богъ чтобъ такъ! А то долго-ли до грѣха! Избави Боже—ударъ!....

Но при этихъ словахъ раздался звонокъ, и мы всѣ высыпали въ переднюю встрѣтить Сократа, и пока онъ снималъ пальто, засыпали его вопросами. Какъ-бы нѣсколько смущенный этими вопросами, онъ сказалъ: „погодите, господа, дайте мнѣ чуточку вздохнуть отъ поспѣшнаго всхожденія на лѣстницу; и тогда я отвѣчу вамъ по порядку!“

Затѣмъ, когда мы вошли назадъ въ гостинную и когда Сократъ со всѣми поздоровался, то Калгановъ обратился къ нему съ вопросомъ: „Ну, что-же? были вчера у Его Превосходительства и поздравляли его съ днемъ ангела?“

Сократъ. Быль и поздравляль.

Калгановъ. А поднесли что-либо въ даръ дорогому имениннику?

Сократъ. Ничего не подносилъ; это ужъ давно не въ модѣ! Не голову же сахару или фунтъ чаю поднести ему?!

Калгановъ. Ну, какъ же Его Превосходительство? былъ любезенъ и, по обычаю, пригласилъ остаться у него обѣдать?

Сократъ. Да, былъ благосклоненъ и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, пригласилъ провести у него весь день.

Калгановъ. Значить, и въ винтъ поиграли? А какъ рано изволили воротиться домой?

Сократъ. И въ винтъ поигралъ, а въ 11 часовъ уже былъ дома.

Калгановъ. Что же такъ рано? Почему же вы теперь такъ запоздали?

Сократъ. А потому что я все время съ самаго утра былъ занятъ, по порученію начальства, сочиненіемъ отвѣтной бумаги. Полученъ былъ у насъ запросъ, на который нужно было, возможно скорѣе, составить отвѣтъ и дать требуемыя свѣдѣнія. Ну, такъ все утро я и составлялъ отвѣтную бумагу; завтра ее перепишутъ, поdamъ къ подписи начальству, и съ плечъ долой!

Калгановъ. А нельзя-ли узнать изъ какого вѣдомства была бумага и въ чемъ заключалось требованіе, на которое вы отвѣчали?

Сократъ. Ну, ужъ это извините! Вашъ вопросъ касается канцелярской тайны, которую я даже присягою обязанъ хранить отъ непосвященныхъ. Но такъ какъ я порядочно утомился отъ утренняго труда и отъ путешествія сюда пѣшкомъ, то (обращаясь къ Карамазовой) не будешь-ли такъ благосклонна хозяйка дома сего, чтобы подкрепить мои ослабѣвшія силы старкою и надлежащею закуской.

Послѣ этихъ словъ Сократа хозяйка пригласила всѣхъ въ столовую къ закускѣ и обѣду, который прошелъ въ общемъ оживленномъ разговорѣ. Послѣ обѣда, когда стали пить чай, Катерина Ивановна обратилась къ Сократу съ такими словами: „вчера я цѣлый день старалась представить и вообразить себѣ безвременное бытіе, о которомъ вы говорите, и никакъ не могла понять его, а

потому сегодня съ нетерпѣніемъ ждала васъ, чтобы вы какъ-нибудь помогли и объяснили мнѣ.“

Сократъ. Представить и вообразить его, дѣйствительно, нельзя, но понять, въ большей или меньшей степени, можно, и вы, какъ мнѣ кажется, все-таки понимаете его.

Карамазова. Ну, ужь я буду тутъ съ вами спорить! Не понимаю, рѣшительно ничего не понимаю!

Сократъ. Но, мы, вѣдь, признаемъ субстанцію, которую называемъ высочайшимъ существомъ, и знаемъ, что оно не зависитъ отъ времени. Оно и существуетъ, и знаетъ обо всемъ вѣчно, безвременно.

Карамазова. Это вы говорите о Богѣ? Богъ-то, конечно, вѣченъ и, конечно, Богъ знаетъ все.... (останавливается).

Сократъ. Ну, да! Высочайшее существо знать не такъ, какъ мы, употребляя на пріобрѣтеніе знанія время и распредѣляя все, что случается и что есть, во времени. Вѣдь, вы согласны съ тѣмъ, что для высочайшаго существа нѣтъ того, какъ для насъ, чтобы оно знало что либо прежде, или узнаетъ теперь, или еще узнаетъ послѣ? Все, что ни случается, что ни есть, высочайшее существо знаетъ ни прежде, ни теперь, ни послѣ, а вѣчно, безвременно. Для него, вѣдь, нѣтъ дней, годовъ, тысячъ лѣтъ, миллионовъ, миллиардовъ, ни тѣмъ болѣе безконечнаго времени и т. п., которыя такъ стѣсняютъ насъ. Согласны вы съ этимъ или нѣтъ?

Карамазова. Согласна-то я, согласна, а вестаки я не Богъ и ничего не могу знать такъ, какъ Онъ.

Сократъ. Конечно знать такъ, какъ Онъ, вы не можете, но, вѣдь, вы можете же понимать, что Онъ знаетъ неизмѣримо совершеніе, чѣмъ вы. Только на основаніи этого вашего пониманія всѣхъ Его совершенствъ въ сравненіи съ человѣческими свойствами, а также и Его знанія сравнительно съ человѣческимъ знаніемъ, вы и утверждаете о безконечной разницѣ, по совершенству, между Имъ и собою. Возьмемъ для объясненія этого примѣръ. Знать, что два, три и пять составляютъ десять, для васъ также легко, какъ

знатъ, что сейчасъ день, а не ночь. Но для вашей маленькой дочери (указывая на четырехлѣтнюю дочь Карамазовыхъ) счастье сразу до десяти составляетъ величайшее затрудненіе. Но случалось-ли вамъ встрѣтить людей, которые въ одно мгновеніе сосчитываютъ сумму двухъ, трехъ чиселъ, состоящихъ изъ двухъ, трехъ цифръ?

Карамазова. Да вотъ, мой мужъ, Алексѣй Федоровичъ, считаетъ такъ быстро, что я никакъ не могу такъ же!

Сократъ. Ну, вотъ, и слава Богу, что есть такой близкій пріемъ. А я скажу вамъ, вотъ, что: есть,—а можетъ быть онъ ужъ и умеръ, не знаю,—одинъ ученый, Дахзе, который въ одно мгновеніе сосчитываетъ огромныя числа изъ сотенъ и миллионовъ такъ же легко, какъ вы сосчитываете два, три и пять. Можете вы этому повѣрить и понять?

Карамазова. Отчего же не повѣрить? понимаю, что это возможно!

Сократъ. Значитъ, понимаете, а сами не можете ни сдѣлать того же, ни даже представить не можете, какъ Дахзе это дѣлаетъ, ибо если-бы вы могли ясно представить это, то могли-бы и сдѣлать. Точно также и о Богѣ. Вы не можете представить, какъ Онъ знаетъ безвременно, и какъ Онъ это дѣлаетъ, но вы можете понять, что Онъ можетъ это сдѣлать. Значитъ, когда вы говорите, что Богъ знаетъ и совершаетъ все безвременно, то вы, хотя сами и не можете такъ дѣлать и знать, но тѣмъ не менѣе понимаете, что значитъ безвременность. Для васъ это слово не есть пустой звукъ въ родѣ: *биримби* или *брадабра*; точно также, какъ для васъ же не есть безмысленное слово то, что вы говорите о способности счета вашего мужа, какъ, наконецъ, не безмысленны для васъ и мои слова объ ученомъ Дахзе, хотя вы и не можете ясно представить себѣ не только счетъ Дахзе, но и вашего мужа....

Серебрякова. Мне кажется весьма неубѣдительными ваши доказательства какого-то безвременного бытія, основанныя на томъ, что оно известно Богу. Мы не Богъ, и для насъ важно убѣдиться, могутъ-ли люди знать о безвременномъ бытіи. Вѣдь, ничего нельзѧ невозможнаго въ томъ, что кто-либо предложитъ вамъ сперва до-

казатъ существованіе Бога, а потомъ уже утверждать что-либо на основаніи божественнаго знанія.

Сократъ. Я вовсе не хочу доказывать безвременное бытіе тѣмъ, что знаніе это свойственно Богу. Я хочу только сказать, что тѣ, которые, подобно Катеринѣ Ивановнѣ, признаютъ существованіе Бога, уже ее ipso обнаруживаютъ, что они имѣютъ нѣкоторое понятіе и о безвременномъ бытіи. Мне важно, чтобы Катерина Ивановна имѣла понятіе о Богѣ, для рассматриваемаго нами вопроса не важно даже и то, допускаетъ или не допускаетъ она Его существованіе. Конечно, вѣдь, и не допускать существованія чего нибудь можно только тогда, когда имѣешь понятіе о томъ предметѣ, существованія котораго не допускаешь. Поэтому и отрицать со смысломъ существованіе Бога можно только тогда, когда о Немъ имѣешь понятіе. Но въ понятіе Бога, по крайней мѣрѣ, христіанскаго Бога, входитъ понятіе безвременности, какъ относительно Его бытія, такъ и относительно всѣхъ Его дѣйствій, между прочимъ и Его знанія. Богъ, находящійся въ какой-либо зависимости отъ времени, т. е., или самъ дѣйствующій во времени; прежде, теперь, послѣ, или же знающій во времени: сперва, потомъ и послѣ, не былъ бы истиннымъ Богомъ. Значитъ, если-бы Катерина Ивановна даже и отрицала Бога, то я всетаки настаивалъ-бы, что она имѣть понятіе о безвременности, ибо нельзя отрицать христіанскаго Бога, не понимая, что такое вѣчность или безвременность.

„Впрочемъ, и помимо христіанскаго понятія о Богѣ, я утверждаю, что всѣмъ народамъ въ нѣкоторой степени доступно понятіе безвременности, что и выражается въ различныхъ народныхъ легендахъ и сказкахъ. Во-первыхъ, всѣ народы приписываютъ своимъ богамъ въ болѣе или менѣе обширномъ объемѣ знаніе будущаго, какъ такого порядка бытія, въ которомъ все стоитъ такъ же твердо и незыблемо, какъ и въ прошедшемъ, гдѣ о совершившемся нельзѧ думать, что оно могло-бы и не совершиться. Это значитъ, что всѣ народы имѣютъ понятіе о томъ, что дѣйствительно сущее есть бевременно готовое цѣлое, отъ котораго время ничего не мо-

жеть отнять и къ которому оно ничего не можетъ прибавить, которое для людей особо одаренныхъ или пророковъ и въ будущемъ, по *неизмѣнности* и *непреложности*, ничѣмъ не разнится отъ прошедшаго и настоящаго. Точно также у всѣхъ народовъ есть сознаніе о субъективности времени и о томъ, что различные события міра, которые съ точки зрењія временной перспективы отдаляются другъ отъ друга огромными временными промежутками, въ дѣйствительномъ бытіи совершаются и существуютъ безъ временныхъ промежутковъ, а разомъ. Таковы различные легенды, напр., объ одномъ христіанскомъ монахѣ, который въ краткій промежутокъ между заутреней и обѣдней провелъ нѣсколько сотенъ лѣтъ, или объ индійскомъ царѣ, который провелъ множество лѣтъ, слушая игру божественныхъ пѣвицъ, въ теченіи, какъ ему казалось, краткихъ мгновеній, или арабская сказка о калифѣ, который въ нѣсколько секундъ прожилъ цѣлую жизнь и т. п. Наконецъ, всюду и у всѣхъ народовъ распространенная идея желѣзной, неизмѣнной судьбы есть ничто иное, какъ не ясное сознаніе о томъ, что міръ со всѣмъ его реальнымъ содержаніемъ есть безвременно и неизмѣнно готовое цѣлое. Но, помимо легендъ, мы имѣемъ много показаній разныхъ лицъ, между которыми есть и образованные люди, которые были спасены отъ утопленія. Эти лица говорятъ, что въ послѣдній моментъ передъ потерей сознанія передъ ними прошла мгновенно вся ихъ прошедшая жизнь съ мельчайшими подробностями. Если-бы даже эти разсказы и не были основаны на фактахъ дѣйствительного сознанія, то все таки они показываютъ, что рассказывающіе понимаютъ возможность безвременной дѣятельности (воспоминанія, представлениія) и ея яркаго отличія отъ представлениія или воспоминанія, совершающагося въ теченіи времени.

„Но, конечно, не эти рассказы и легенды заставляютъ меня отрицать реальность времени, а тѣ неразрѣшимыя затрудненія и противорѣчія, которые соединены съ признаніемъ его реальности и о которыхъ мы бесѣдовали третьяго дня.

Серебрякова. Если, по вашему, дѣйствительный міръ и бытіе

безвременны, то я не понимаю, къ чему вы входите въ толкованія разныхъ легендъ или продуктовъ народной фантазіи? Я не понимаю, почему эту безвременность міра нельзя доказывать такъ же ясно, какъ астрономія доказываетъ намъ движение земли вокругъ своей оси и вокругъ солнца.

Сократъ. Во-первыхъ, вы, какъ мнѣ кажется, слишкомъ *увеличиваете* ясность и понятность положенія о движениі земли вокругъ своей оси и вокругъ солнца, сравнительно съ положеніемъ обѣ идеальности времени. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, конечно, трудности и того, и другого положенія сходны; да и самыи ходъ мысли человѣческой въ постановкѣ и рѣшеніи обоихъ вопросовъ сходенъ. И въ переходѣ съ геоцентрической точки зреянія на геліоцентрическую дѣло началось прежде съ того, что естественное геоцентрическое воззрѣніе, основанное на иллюзіи непосредственной видимости движенія солнца и небесныхъ свѣтиль вокругъ земли, вызывало сомнѣніе и недовѣrie къ себѣ болѣе глубокаго мышленія крайнею искусственностью и безъисходною запутанностью астрономической теоріи, господствовавшей у древнихъ и въ средніе вѣка. Точно также и въ вопросѣ о времени прежде всего мотивъ къ отрицанію его реальности, несмотря на иллюзію его непреложной данности въ опытномъ сознаніи, заключался въ непреодолимыхъ для разума затрудненіяхъ и абсурдахъ, къ которымъ вело это безконечное quasi-дѣйствительное ничто, державшее въ своей желѣзной власти несомнѣнныя реальности всего міра и даже посягавшее на самого Бога. Далѣе, подобно ученію обѣ идеальности времени и геліоцентрическая система долгое время была отвергаема главнымъ образомъ лишь потому, что противорѣчила иллюзіи ежедневнаго опыта, а также и умственнымъ привычкамъ тогдашняго ученаго міра. Что же касается до доказательства геліоцентрической системы, то оно вовсе не такъ легко и общедоступно, какъ это вамъ кажется, и въ полной строгой его формѣ знакомо лишь весьма немногимъ; большинство же образованныхъ людей держатся ея по вѣрѣ въ авторитетъ ученыхъ. Наконецъ,

сходство между двумя сравниваемыми мною точками зре́нія: геліоцентризма и идеальности времени обнаруживается и въ томъ отношеніи, что какъ въ первой убѣжденіе разума, что солнце и небесныя свѣтила неподвижны относительно земли и что движется она, нисколько не освобождаетъ насъ отъ чувственной иллюзіи, въ которой намъ земля представляется неподвижною, а свѣтила небесныя двигающимися, такъ и во второй убѣжденіе разума, что время не реально и есть только наша идея, служащая намъ для условного распорядка продуктовъ своей же собственной дѣятельности, нисколько не освобождаетъ насъ отъ иллюзорной временной перспективы.

„Но, не смотря на сейчасъ указанное сходство обѣихъ точекъ зре́нія, между ними есть и *огромная разница*, вслѣдствіе которой несравненно труднѣе вполнѣ убѣдиться въ истинѣ безвременности міра и бытія, чѣмъ убѣдиться въ истинѣ движения земли, а не солнца и небесныхъ тѣлъ. Иллюзія, которая побуждаетъ насъ къ геоцентрической точкѣ зре́нія, охватываетъ чрезвычайно незначительный кругъ нашей познавательной дѣятельности сравнительно съ той безграничной областью, где господствуетъ надъ нами та, тѣсно связанная съ основной нашей природой, иллюзія, которая побуждаетъ насъ распредѣлять во временной перспективѣ всевозможная наши дѣйствія и, по аналогіи, дѣйствія всѣхъ другихъ существъ. Прежде чѣмъ человѣкъ выучится смотрѣть на небо и замѣтить движение свѣтиль, для объясненія котораго его мысль естественно предполагаетъ землю неподвижною, а небо и звѣзды двигающимися вокругъ нея, онъ уже давно, съ ранняго дѣтства упражнялся въ размѣщеніи актовъ своей дѣятельности во времени. Идея времени охватываетъ *всѧ безъ исключения* акты нашего познанія, будуть ли они принадлежать къ нашей внутренней душевной жизни, или же къ области нашего внѣшняго пространственного опыта. Поэтому когда мало по малу истина и разумъ побороли геоцентрическую иллюзію, то эта побѣда стала столь прочною и бесспорною, что геліоцентрическая точка зре́нія стала общепри-

нятъмъ и безповоротнымъ достояніемъ всего образованнаго человѣчества. Между тѣмъ, въ соотвѣтствующемъ ей вопросѣ обѣ идеальности времени и пространства, мы встрѣчаемъ весьма знаменательное явленіе, что тотъ самыи Кантъ, который съ такою гордостью и въ тоже время не безъ основанія сравнивалъ свое дѣло въ философіи съ реформою, сдѣланною Коперникомъ въ астрономіи, не только не могъ сдѣлать плодотворного приложенія этой своей реформы къ построенію истинной философской системы, но даже самъ на столько ослабилъ и урѣзalъ значеніе своей реформы, что въ значительной мѣрѣ подпалъ, не сознавая того, подъ власть того же самаго доктринализма, который думалъ черезъ свою реформу вырвать съ корнемъ изъ ума человѣческаго.

„Эта непослѣдовательность Канта въ проведеніи своей реформы произошла именно вслѣдствіе того, что провозглашенная имъ въ философіи геліоцентрическая точка зренія требовала для дѣйствительного проведенія ея въ умственную жизнь человѣчества такихъ новыхъ пріемовъ въ построеніи философской системы бытія и міра и такого коренного переворота въ обычномъ ходѣ философской мысли, что они были невыполнимы даже для Канта. Конечно, онъ сознавалъ потребность на совершенно новомъ фундаментѣ вывести вполнѣ новое зданіе философской истины; но вліянія, подъ которыми онъ находился въ теченіи всей своей философской дѣятельности, были такъ мало согласимы съ этимъ фундаментомъ и притомъ такъ прочно укоренились въ Кантѣ, что предпринятая имъ новая система не удалась ему и даже представляла реакцію противъ его же собственной реформы. Провозглашенная Кантомъ идеальность пространства и времени до такой степени противорѣчить естественной ограниченности и вѣковымъ привычкамъ ума человѣческаго, что еще и теперь, сто лѣтъ послѣ Канта, мы чрезвычайно далеки отъ ея дѣйствительного признанія не только вообще образованнымъ человѣчествомъ, но даже и представителями философіи. Силошь да рядомъ мы видимъ, что если она прямо и не отрицаєтъ этиими представителями, то тихомолкомъ совершенно обходится,

такъ что на самомъ дѣлѣ люди философствуютъ такъ, какъ будто бы реальность пространства и времени не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Самое обыкновенное дѣло, что философъ въ извѣстномъ пунктѣ своей философской системы, напр., въ главѣ о пространствѣ и времени, прямо защищаетъ ихъ идеальность, а въ другихъ пунктахъ системы проводитъ воззрѣнія, несомнѣнно свидѣтельствующіе, что защищаемая имъ идеальность пространства и времени остается для него въ сущности мертвю буквой. Что касается до меня, то я думаю, что развѣ, можетъ быть, только въ елѣдующемъ столѣтіи геліоцентрическая точка зрѣнія въ философії получить не мнимое, а дѣйствительное преобладаніе въ философскомъ „credo“ человѣчества.

„Но, не полагаясь на будущее, я теперь долженъ, на сколько могу, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, сдѣлать для моихъ поченныхъ собесѣдниковъ удобопонятнѣе и убѣдительнѣе исповѣдуемую мною теорію безвременности міра въ его истинномъ бытіи. Для этого сперва поставлю вамъ на видъ такое предположеніе. Представьте себѣ, что все, что съ вами ни совершалось и что вы ни сдѣлали въ теченіи прожитой вами жизни во всѣхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ, безъ малѣйшаго пропуска, изображено на отдѣльныхъ картинкахъ. Пусть этихъ картинокъ будетъ миллионъ, билліонъ..., сколько хотите. Далѣе, представьте себѣ, что эти картинки расположены какъ-либо удобнымъ для обозрѣнія образомъ, или что вы обладаете безчисленнымъ множествомъ глазъ и въ то же время сила вашего ума, воображенія и прочихъ способностей увеличилась на столько, что вы всѣ эти картинки съ ихъ содержаниемъ, подобно тому, какъ говорятъ объ этомъ утопавшіе, созерцаете, понимаете и обнимаете заразъ. Понятно, что такимъ образомъ для васъ дѣлается совершенно все равно въ 20, 30, 40 или 50 лѣтъ пережили вы все это, или же въ 50 часовъ, 50 минутъ, 50 секундъ, терцій и т. д. Вся реальность вашей жизни стоитъ передъ вами въ полной ея наличности безвременно. Но теперь сдѣлайте еще шагъ! Представьте себѣ, что въ такихъ же точ-

но картинкахъ находится жизнь вашихъ родныхъ, вашихъ знакомыхъ, вашихъ соотечественниковъ, вашихъ сочеловѣковъ въ теченіи того же періода, который вы прожили, и что вся эта жизнь и вся ея мельчайшія событія находятся въ вашемъ сознаніи и представлениі. Но сдѣлайте еще шагъ вашео мыслью! Подумайте, что точно такимъ же образомъ, какъ-бы въ картинкахъ, за тотъ же самый періодъ предстоитъ передъ вашими умственными очами жизнь и дѣянія всевозможныхъ существъ, всѣхъ субстанцій міра. Но уже разъ мы вышли въ область предположеній, такъ будемъ же въ ней безконечно смѣлыми и представимъ себѣ, что такимъ образомъ передъ нашимъ сознаніемъ есть или дана вся дѣятельность всѣхъ субстанцій изъ того времени, которое мы называемъ прошедшімъ; да ужь прикинемъ, кстати, и все будущее. Конечно, въ этомъ смѣломъ полетѣ нашей мысли исчезаютъ и теряютъ всякий смыслъ: настоящее и два всепоглощающія чудовища—прошедшее и будущее, и остается безвременная реальность, представляющая безвременно координированную систему всевозможныхъ дѣйствій всѣхъ субстанцій. Конечно, актъ представлениія и пониманія, о которомъ я сейчасъ говорю въ моемъ предположеніи, неосуществимъ во всей его дѣятельности и полнотѣ для насъ и вообще для людей, но для высочайшей субстанціи вся реальность, которая для насъ распадается на настоящее, прошедшее и будущее, существуетъ разомъ, безвременно....

Карамазовъ. Извините, Сократъ Ивановичъ, что я васъ оставилъ, желая убѣдиться, правильно ли я васъ понимаю. Во времія послѣднихъ вашихъ словъ мнѣ казалось, что для убѣжденія въ безвременности цѣлаго міра всего важнѣе убѣдиться въ безвременности жизни и дѣятельности какой-либо одной субстанціи. Такъ какъ міръ не изъ чего иного не состоитъ, кромѣ какъ изъ дѣйствій субстанцій и такъ какъ всѣ субстанціи, не смотря на безконечную разницу между ними въ степеняхъ совершенства, имѣютъ нечто общее въ характерѣ ихъ дѣятельности, то единство реальнаго міра субстанцій возможно только тогда, когда времія вообще не реально.

иллюзиями: иллюзией пространства и движенья, въ смыслѣ перемѣны мѣста въ пространствѣ. Поэтому болѣе полное убѣжденіе въ безвременной реальности міра можетъ быть приобрѣтено лишь тогда, когда мы въ слѣдующихъ бесѣдахъ разсмотримъ точно такимъ же образомъ, какъ мы рассматривали теперь время, пространство и движение.

Красоткинъ. (Обращаясь къ Сократу и говоря сухо, какъ бы съ неохотой). Хотя я и знаю, что не получу отъ васъ *научную отвѣтъ* на свой вопросъ, но всетаки мнѣ было-бы интересно слышать, считаете-ли вы задачею наукъ, напр., естественныхъ, изслѣдованіе причинъ явлений?

Сократъ (весьма любезнымъ тономъ). Пропшу ужъ извинить меня, что не могу дать *научную отвѣтъ*, просто потому, что хорощенько не знаю, что такое научные отвѣты и что такое научные вопросы, но постараюсь на всякий вашъ вопросъ дать *искренній*, а по мѣрѣ силъ, и *истинный*, правильный отвѣтъ. Что касается до задачи наукъ, то я считаю, что въ нее дѣйствительно входитъ и изслѣдованіе причинъ явлений или изслѣдованіе, какими субстанціями произведены тѣ или другія дѣйствія или акты.

Красоткинъ. Но вы сейчасъ все говорили о безвременномъ бытіи, о безвременномъ мірѣ со всѣмъ, что въ немъ ни заключается! Но, сколько я знаю, естественные науки иначе не могутъ изслѣдовывать причины, какъ узнавая, какія дѣйствія производятъ эти причины, гдѣ и въ какое время, при чемъ дѣйствія всегда слѣдуютъ за причинами во времени.

Сократъ. Въ естественныхъ наукахъ, которыя, какъ я уже не разъ говорилъ, *условны* и которыя предполагаютъ время, пространство и движение, иначе дѣло и не можетъ быть какъ такъ, что явленія, называемыя слѣдствіями, всегда слѣдуютъ во времени за явленіями, называемыми причинами, хотя-бы уже по одному тому, что необходимо, чтобы причина производила свои дѣйствія путемъ движенія и чтобы она, такъ сказать, преодолѣвала пространство. Но для истинной философіи, которая не можетъ ни время, ни про-

страпство, ни движение считать реальными, связь и отношение причин и действия должны быть понимаемы безвременными. Прежде всего должно замѣтить, что для истинной философіи причина и слѣдствіе всегда соотносительны. Всякая причина есть не просто причина, а причина того или другого эффекта. Значитъ, причина и слѣдствіе всегда даны разомъ, и причина не можетъ быть ни долгое, ни короткое, вообще никакое время безъ своего слѣдствія и, такъ сказать, ожидать его появленія; точно также, какъ никто не можетъ называться отцомъ, не имѣя дѣтей. Готова причина, готово и слѣдствіе; гдѣ еще нѣтъ слѣдствія, тамъ, значитъ, чего либо не достаетъ, чтобы причина была причиною слѣдствія. Если мы возьмемъ въ соображеніе цѣлый міръ и если отъ каждого даннаго слѣдствія мысленно будемъ восходить черезъ рядъ послѣдовательныхъ причинъ къ самымъ первымъ причинамъ, то въ каждомъ причинномъ рядѣ всѣ событія, относительно другъ друга играющія роль причинъ и слѣдствій, должны быть понимаемы связанными безвременно. Значитъ, въ цѣломъ мірѣ и первыя причины и послѣднія слѣдствія даны заразъ. Отсюда выходитъ: во-первыхъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣть *ни начало, ни конецъ*, подобно тому, какъ въ кругѣ всякая точка можетъ быть взята за начало; во-вторыхъ, что всѣ члены этой круговой линіи взаимно обусловливаютъ другъ друга, а потому члены, которые мы называемъ послѣдующими, точно также обусловливаютъ предыдущіе, какъ предыдущіе обусловливаютъ послѣдующіе, или, говоря въ терминахъ времени, *прошедшее и настоящее* точно также обусловливаются *будущимъ*, какъ будущее обусловливается прошлымъ и настоящимъ; въ-третьихъ, что причинное разсмотрѣніе явлений и событій, господствующее въ частныхъ наукахъ, главнымъ образомъ въ естествовѣданіи, въ философіи самымъ разумнымъ и законнымъ образомъ превращается въ *теологическое* разсмотрѣніе съ точки зренія цѣли. Отсюда мы можемъ сдѣлать еще одно заключеніе, что для того безконечного сознанія, которое безвременно обнимаетъ всѣ времена: прошедшее, настоящее и будущее, точно также предстоять осуществленными и

всѣ причины, и всѣ цѣли всего сущаго. Но мы, при нашемъ ограниченномъ сознаніи, обусловленные нашимъ мѣстомъ во всеобщей міровой связи существъ, а потому необходимо подлежаще перспективамъ времени, пространства, движенія, и проч., должны постепенно, съ тяжкимъ трудомъ, и понемногу угадывать причины и цѣли всего міра, а также и составляющихъ его субстанцій, включая и нашу собственную.

Красоткинъ. Ну, я такъ и зналъ, что дѣло у насъ кончится какимъ-либо діалектическимъ фокусомъ, что причина окажется въ одно время съ слѣдствіемъ, и, пожалуй, даже и позже него, и что вмѣсто причинъ нужно отыскивать цѣли, однимъ словомъ, что мы изъ науки выйдемъ, а потому я и отказываюсь отъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

Сократъ (тѣмъ же любезнымъ тономъ). Да зачѣмъ же, Николай Ивановичъ, отказываться? Будьте такъ любезны, предложите намѣченные вами вопросы! Если мои отвѣты не удовлетворятъ васъ, то, можетъ быть, кому-либо другому окажутся годными.

Красоткинъ. Да я вотъ что хотѣлъ сказать вамъ! Если въ цѣломъ мірѣ все происходитъ, по вашему, безвременно, то куда же тогда дѣнется эволюція? Вѣдь, различная ступени эволюції можно понимать только такъ, что одна исходитъ изъ другой и наступаетъ послѣ нея.

Сократъ. Извините только, если я вмѣсто моднаго термина: эволюція, буду употреблять старый, но, по моему, лучшій: *развитіе*. Отъ безвременности развитіе ничего не теряетъ. Всѣ фазы или ступени его могутъ быть даны разомъ, но это нисколько не мѣшаетъ имъ отличаться другъ отъ друга, какъ ступенямъ развитія. Тотъ порядокъ, который мы мыслимъ подъ терминомъ: развитіе, нисколько не зависитъ отъ времени. Да и мы во многихъ случаяхъ отлично понимаемъ эту безвременность развитія, когда, напр., развивается доказательство какой нибудь тезы, положимъ, въ математикѣ. Все то, что составляетъ доказательство какой-либо теоремы, должно быть дано разомъ, ибо если чего-либо еще не достаетъ, то

нѣть и доказательства. Теорема не можетъ считаться доказанною до тѣхъ поръ, пока нѣть всего доказательства отъ A до Z. Да и самая идея развитія, чтобы быть дѣйствительно мыслью, а не пустымъ словомъ, предполагаетъ данными члены развивающагося ряда. Поэтому философскія системы, дѣйствительно стоявшія на идеѣ развитія, напр., Лейбница, Гегеля, всегда понимали развитіе *безвременнымъ*. У Гегеля, напр., всѣ ступени развитія его абсолютной идеи во всѣхъ трехъ областяхъ: логической, природной и духовной, ничего не выиграли-бы отъ того, что мы, по выбранному нами произвольно масштабу, положили-бы, что каждая фаза развитія пребываетъ безъ перемѣны 100 лѣтъ, да ничего и не потеряли-бы отъ того, если мы положимъ, что каждая ступень для перехода на другую употребляетъ только 100 секундъ....

Красоткинъ. Гегелевскимъ ступенямъ развитія, конечно, ничего не сдѣлается, если это развитіе будетъ происходить въ нуль времени, потому что и развиваются-то какіе-то нули въ пустомъ пространствѣ! А, вотъ, *реальнымъ* ступенямъ развитія, происходившимъ въ *реальному* мірѣ и открытымъ со временеми Дарвина *реальною* наукою, для тѣхъ время важная вещь. Тамъ ужъ нельзя произвольно миллионы лѣтъ подмѣнять минутами или секундами.

Сократъ. Да, вѣдь, дарвинизмъ есть только *естественно-научная, біологическая* теорія, предполагающая пространство, время и движение; и въ этомъ отношеніи она совершенно права, что старавшися указать, хотя-бы приблизительно, определенные временные промежутки между появлениемъ различныхъ формъ организмовъ. Но для философіи предположенія дарвинизма вовсе не *обязательны*. Мои слова, впрочемъ, не нужно истолковывать такъ, что философія не должна, при построеніи своей теоріи, принимать въ соображеніе естественно-научную теорію Дарвина, по скольку она вѣрна и твердо установлена въ своей естественно-научной сферѣ. Во всякомъ случаѣ понятія дарвинизма, какъ вообще понятія всѣхъ частныхъ наукъ, для того чтобы войти въ философскую систему, должны подвергнуться некоторому преобразованію. Слѣдовательно,

и типы существъ, по дарвиновой теоріи, происходящихъ одно отъ другого, должны быть понимаемы происходящими безвременно. Впрочемъ, есть и представители естествовѣдѣнія, какъ напр., известный Бэръ, которые ясно понимаютъ, что величина временнаго промежутка между различными фазисами развивающейся человѣческой жизни, не имѣть никакого значенія для содержанія этихъ фазисовъ, что, следовательно, жизнь человѣческая со всѣми ея возрастами, перемѣнами и событиями могла-бы оставаться тою же самою, если-бы она продолжалась или въ 1000 разъ короче, чѣмъ теперешняя, или же въ 1000 разъ длиннѣе¹⁾.

Когда послѣ этихъ словъ Сократа Красоткинъ не сдѣлалъ ему никакихъ вопросовъ, то Синайскій обратился къ нему съ слѣдующими словами: „скажите, Сократъ Ивановичъ, не ошибаюсь ли я, когда мнѣ кажется, что моменты времени и моменты развитія можно полагать переходящими другъ въ друга, смотря по точкѣ зреенія, на которой мы стоимъ. Такъ, напр., даже самые термины: сперва, потомъ, послѣ, могутъ быть понимаемы и временными, если между сперва и потомъ мы полагаемъ какой либо временный промежутокъ, и какъ ступени развитія, если между ними не разумѣется никакого временнаго промежутка.“

Сократъ. Совершенно вѣрно! Конечно, напр., мы можемъ понимать число: три, прежде четырехъ, или послыпки прежде умозаключенія; или доказываемый тезисъ прежде доказательства, но не по времени, а по понятію. Такъ какъ всѣ фазисы и моменты всяческой исторіи и цѣлаго міра, и отдельныхъ его сторонъ, могутъ быть понимаемы безъ временныхъ промежутковъ, то въ такомъ случаѣ они будутъ фазисами развитія или, пожалуй, лѣстницей причинъ къ послѣднему слѣдствію, или рядомъ средствъ для послѣд-

¹⁾ Здѣсь Сократъ имѣть, должно быть, въ виду рѣчь петербургскаго академика Бѣра: „Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige?“

Примѣч. ред.

ней цѣли. Надобно ясно различать между актами дѣятельности субстанцій и актами нашей мыслящей и познавательной дѣятельности, въ которыхъ выражаются различные точки зрѣнія, съ которыхъ мы мыслимъ и понимаемъ эти различные акты дѣятельности субстанцій. Въ актахъ субстанцій мы ничего не можемъ изменить, они отъ насъ не зависятъ, мы можемъ только знать ихъ или совсѣмъ не знать, наблюдать правильно или не правильно; но вообще понимать ихъ такъ или иначе это зависитъ уже отъ нашей специальной дѣятельности, которая называется познаніемъ и которая подчиняется своимъ особымъ законамъ и совершается въ особыхъ формахъ, излѣдованіе которыхъ и составляетъ, по преимуществу, обязанность философскихъ наукъ.

Синайскій. Есть еще одинъ пунктъ, который я желалъ-бы себѣ выяснить! Вѣдь, и по вашему выходить такъ, какъ говоритъ блаженный Августинъ, что и прошедшее, и будущее „существуютъ въ душѣ, какъ настоящее:“ мы всегда все, что-бы то ни было, представляемъ въ настоящемъ; но для меня не ясно, какимъ образомъ мы приходимъ къ тому, чтобы представляемое въ настоящемъ, такъ сказать, перекладывать въ прошедшее и будущее? Или, иначе говоря, отчего мы, какъ дѣти или животныя, не остаемся въ этомъ неизмѣнномъ настоящемъ? Соприсутствіе вспоминаемаго представленія съ тѣмъ же самимъ наличнымъ, при чёмъ первое слабѣе и блѣднѣе послѣдняго, какъ вы сами говорили третьаго дня, еще не подавало бы никакого повода къ различенію прошедшаго и настоящаго.

Сократъ. Совершенно вѣрно, что мы прошедшее и будущее, вспоминаемое и ожидаемое всегда представляемъ теперь, т. е., въ настоящемъ. Совершенно вѣрно также и то, что ничто не мѣшало бы намъ, какъ, вѣроятно, и бываетъ у животныхъ, имѣть разомъ въ настоящемъ два образа, одинъ болѣе яркій, а другой блѣдный. Эти два образа, пожалуй, нельзя бы даже и называть одновременными, потому что одновременность и разновременность предполагаютъ различеніе времени во всѣхъ его моментахъ. Все же, что

входитъ въ настоящее представлениe,—все равно, буде́тъ ли оно велико или мало по объему,—въ сущности, безвременно. Время именно и начинается съ того, что мы содержаніе этого безвременного настоящаго сравниваемъ мышленіемъ и въ этомъ сравненіи отмѣчаемъ противорѣчіе одного и того же въ двухъ образахъ, о которомъ я говорилъ прежде, изъ котораго и выходитъ при посредствѣ перспективнаго временнаго порядка, мыслимаго въ словахъ: прежде, теперь, потомъ. Только когда этотъ порядокъ придетъ къ болѣе или менѣе ясному сознанію и укрѣпится, только тогда начинается надъ нами власть времени, и мы этотъ порядокъ начинаемъ *переносить на само объективное содержание представлений*. Человѣкъ, по отношенію къ идеѣ времени, разнится отъ животнаго тѣмъ, что, имѣя или исключительно передъ животными дѣятельность мышленія или въ сравнительно высшей степени—вопросъ этотъ для настъ теперъ совершенно не важный,—*сравниваетъ* содержаніе безвременного настоящаго представления и мыслить надъ нимъ. Посредствомъ этого акта мысли и познанія онъ, выражаясь метафорически, какъ бы теряетъ свою первоначальную животную невинность и подчиняется роковому заблужденію понимать сущее, дѣйствительное *не бывшимъ, но возникающимъ вновь и потомъ исчезающимъ*, чemu безмысленное животное, не имѣющее понятія бытія, не подвержено. Но, къ счастію для настъ, эта невыгода соединена съ величайшимъ нашимъ преимуществомъ передъ животнымъ. При помощи того же мышленія, которое вводитъ настъ, такъ сказать, въ грѣхъ, намъ есть возможность и раскрыть свою грѣховность и умственными своими очами созерцать такое существо, которое, охватывая безвременно и заразъ своимъ безконечнымъ сознаніемъ и мыслю всевозможныя отношенія и дѣйствія всѣхъ субстанцій въ ихъ міровой связи и единствѣ, абсолютно свободно отъ времени. Мы же, охватывая нашимъ ограниченнымъ, „узкимъ,“ выражаясь языкомъ Гербарта, сознаніемъ и мышленіемъ всегда только ничтожную долю дѣйствительности и переходя съ этимъ мышленіемъ отъ одной доли къ другой, третьей и т. д., необходимо подчиняемся временной перспективѣ....

Синайский. (Перебивая). Значитъ, можно-ли понимать дѣло такъ, что въ переходѣ изъ субъективной стадіи развитія идеи времени въ объективную, т. е., когда мы подчиняемъ этой идеѣ не тотъ только міръ, который мы считаемъ своимъ субъективнымъ, но и тотъ, который мы считаемъ объективнымъ, уже есть значительный умственный прогрессъ или уже дѣлается шагъ къ освобожденію нашего понятія о дѣйствительности отъ призрака времени....

Сократъ. (Перебивая въ свою очередь). И отъ власти того „ничто,“ которое, повидимому, поглощаетъ всю дѣйствительность, лишь только она возникнетъ также изъ нѣдра этого „ничто.“ Только при перевѣсъ объективной стадіи развитія идеи времени надъ субъективною, возможенъ тотъ *относительный* прогрессъ, который нельзя не признать въ распространеніи естественно-научнаго материализма на счетъ наивнаго реализма. Какъ ни ошибочень сравнительно съ истинною философіею этотъ материализмъ, но всетаки онъ *выше наивнаго реализма* тѣмъ, что признаеть нѣчто, т. е., материальные или эаирные атомы, молекулы не возникающими и не уничтожающими, т. е., не подлежащими законамъ времени. Но намъ еще далеко до настоящаго философскаго прогресса, ибо надобно сбросить съ себя иго не только времени, но и пространства, движенія и материальности....

Синайский. Теперь я хотѣлъ-бы спросить васъ, отчего зависитъ это появление въ сознаніи двухъ образовъ одного и того же предмета, одного яркаго, а другого блѣднаго?

Сократъ. Это зависитъ отъ различной степени интенсивности нашей дѣятельности представленія, которая обусловлена взаимодѣйствіемъ нашей дѣятельности съ дѣятельностью другихъ субстанцій. Но лучше *отложить* этотъ вопросъ до того времени, когда мы будемъ разсуждать о связи и взаимодѣйствії субстанцій, теперь же это разсужденіе отвлекло-бы насъ въ сторону отъ изслѣдованія времени и было-бы, такъ сказать, *несвоевременнымъ*....

Гранжанъ. ¹⁾ Для меня совершенно ясны ваши доказательства, по которымъ нельзя признать реальности времени, не говоря уже о томъ, что я всегда сознавалъ несовмѣстимость этой реальности съ реальностью высочайшей субстанціи, какъ вы выражаетесь. Но, тѣмъ не менѣе, для меня чрезвычайно трудно понять утверждаемую вами безвременность міра, и далѣе трудно согласиться съ тѣмъ, что временныи порядокъ, отъ котораго мы никакимъ образомъ отрѣшиться не можемъ, ставится только нашимъ же мышленіемъ. Когда вспомнишь и сообразишь, какъ непреложеньиэтотъ порядокъ относительно всѣхъ событий міра, о которыхъ вы, по моему, справедливо говорите, что они суть реальные акты субстанцій, то невольно думается, что такая непреложность временнаго слѣдованія и неизмѣнимость временныиотношенія этихъ реальныхъ актовъ какъ-либо имѣеть свой источникъ въ реальному же бытіи, никаколько не зависящемъ отъ нашего мышленія. Можетъ быть, на болѣе высшихъ ступеняхъ совершенства, если онъ намъ доступны, намъ это будетъ яснѣе, а теперь на той ступени совершенства, на которой мы находимся, воздержимся отъ рѣшенія этого вопроса и не будемъ утверждать безвременности бытія и міра.

Сократъ. Къ сожалѣнію, не могу согласиться съ вами; и вотъ на какихъ основаніяхъ. Конечно, мы не можемъ отрѣшиться отъ временныи распорядка, но когда? Тогда, когда наша мысль уже образовала идею времени и приложила ее ко всѣмъ явленіямъ міра, понимаемымъ въ качествѣ отдѣльныхъ объектовъ и какъ-бы существъ самихъ по себѣ! Но, какъ я уже не разъ говорилъ, въ дѣствѣ эта идея не имѣеть надъ нами власти. Да и послѣ образования этой идеи мы иногда свободны отъ нея, напр., въ состояніи страстныхъ аффектовъ; въ художественномъ озерціи тѣхъ или

¹⁾ Такъ какъ въ настоящее время были люди непосвященные въ секретъ Ивана Карамазова, то и мы, посвященные въ него, относились въ нашихъ обращеніяхъ къ нему, какъ къ Monsieur Grandjean.

другихъ объектовъ; въ состояніяхъ экстаза, когда мы, напр., въ молитвѣ сливаемся съ высочайшею субстанцію. Человѣку, впавшему въ *экстатическое состояніе* общенія съ Богомъ, совершенно все равно, провелъ ли онъ въ немъ миллионъ лѣтъ или секунду. Наконецъ, времени нѣтъ для тѣхъ сумасшедшихъ, которые заняты и живутъ одною какою-нибудь мыслью или однимъ представлѣніемъ, иногда относящимся къ будущему и вполнѣ фантастическимъ. Даѣ, мнѣ кажется, что когда вы говорите о трудности понять безвременность міра, то трудность, которую вы имѣете въ виду, состоить не въ пониманіи безвременности міра, а въ невозможности для насъ въ одномъ актѣ сознанія обнять все неисчислимое множество реальныхъ актовъ, изъ которыхъ состоить міръ и которые доступны заразъ, напр., высочайшей субстанції. Когда мы говоримъ слово: міръ, то мы, конечно, разумѣемъ, что это единое цѣлое заключаетъ въ себѣ однако неисчислимое множество дѣйствій или явлений. Но изъ всего необозримаго порядка этого множества мы въ каждый данный моментъ въ яркомъ полѣ нашего сознанія имѣемъ только маленькой *клочокъ* или *обрывокъ*; всѣ же остальные члены того ряда или рядовъ, изъ которыхъ состоить міръ, находятся у насъ въ крайне смутномъ сознаніи или же, выражаясь терминомъ Гербартовой философіи, за *порогомъ сознанія*. Но однако все находящееся въ этой *запорожной* области для насъ существуетъ, что сей-часъ же и обнаруживается въ томъ, что оно вдругъ *вспыхиваетъ надъ порогомъ сознанія*, или вспоминается. Затрудненіе, которое представляеть для насъ безвременность мірового бытія, состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы невозможно было понять, что реальное или *дѣйствительное не можетъ пережидать вѣка*, годы или минуты для того, чтобы быть дѣйствительностью, а въ томъ, что, благодаря мышленію, въ мысли объ этой безвременной дѣйствительности для насъ возникаетъ *проблема*, надлежащее разрешеніе которой памъ не по плечу, а доступно только безгранично-му сознанію. Мы проблему-то понимаемъ, а средствъ надлежащимъ образомъ разрѣшить ее не имѣемъ. Будь наше сознаніе еще

ограниченне и ужсе, какъ у животныхъ, и не имѣй мы возможности сравнивать мыслью элементы этого ограниченного сознанія, тогда и проблеммы совѣтъ-бы не было; время бы вовсе не имѣло надъ нами власти, потому что мы обѣ немъ ничего не знали-бы. Далѣе, вы совершенно справедливо говорите, что временное сль-
 дование и порядокъ, который мы знаемъ изъ исторіи, *непреложенъ и неизмѣненъ*. Конечно, мы необходимо помышляемъ ихтиозавровъ и плезиозавровъ въ одинъ временный періодъ, мамонтовъ—въ другой, исторію тридцатилѣтней войны—въ третій, а исторію французской революціи—въ четвертый. Временный порядокъ, кажущійся въ субъ-
 ективной стадіи развитія случайнымъ и вполнѣ зависящимъ отъ настѣ, такъ какъ мы ежемновенно передвигаемъ значки этого по-
 рядка, выражаемые словами: теперь, прежде, послѣ, въ объектив-
 ной стадіи развитія, мало по малу, получаетъ *неизмѣнныи и необходимыи характеръ*. Происходитъ это въ силу нашего общенія съ
 другими людьми, которое было бы абсолютно невозможно, если-бы
 у каждого „Я“ оставалась въ полной силѣ его частная времененная
 перспектива съ ея постоянно передвигающимися пунктами временен-
 наго порядка. Для всѣхъ, участвующихъ въ общеніи, ставится одна
 общая задача: сравнить всѣ частныи субъективныи перспективы и
 замѣнить ихъ одной *общебязательной* объективной перспективой,
 въ которой напили-бы свое правильное мѣсто всѣ реальные акты
 каждой субстанціи и притомъ, конечно, такъ, чтобы реальный по-
 рядокъ этихъ актовъ каждой субстанціи нисколько *не перебивался*
 и *не переставлялся*. Иначе говоря, вмѣсто безчисленныхъ и про-
 извольныхъ подвижныхъ: теперь, прежде, послѣ, требуется установо-
 вить опредѣленныя, гармонирующія и строго согласныя другъ съ
 другомъ объективныи: прежде, теперь, послѣ. Эта задача разрѣ-
 шается посредствомъ громадной работы общечеловѣческаго мышле-
 нія въ исторіи. Каждый малыйшій актъ въ ряду дѣйствій каждого
 отдельнаго существа получаетъ свою строго опредѣленную точку
 по отношенію не только къ актамъ этой же самой субстанціи, но
 и по отношенію къ актамъ всѣхъ другихъ субстанцій. Иначе го-

воля, каждое дѣло какого-либо Ивана въ этой общей перспективѣ отстоитъ не только на опредѣленное количество лѣтъ, мѣсяцевъ, дней, и часовъ и т. д. отъ другаго дѣла того же Ивана; но даже оно находится въ болѣе или менѣе опредѣленномъ разстояніи лѣтъ, дней, часовъ и т. под. отъ дѣлъ всѣхъ другихъ людей и даже отъ дѣлъ всѣхъ другихъ субстанцій. Конечно, въ силу нашей ограниченности, роковая иллюзія временныхъ промежутковъ владѣеть надъ нами, ее мы устранить не можемъ; но всетаки мы, при помощи мышленія, среди этой иллюзіи соблюдаемъ справедливость и къ правамъ дѣйствительности, т. е., удовлетворяемъ *отношеніямъ реальнаго порядка явленій* и твердо опредѣленнымъ образомъ связываемъ безконечно нерепутанныя цѣпи, состоянія изъ актовъ различныхъ субстанцій въ ихъ взаимномъ столкновеніи и соприкоснovenіи. Послѣ этой-то гигантской работы мышленія въ выработкѣ всеобщей исторической науки намъ можетъ показаться, и кажется на самомъ дѣлѣ, что какъ будто-бы сравненіе частныхъ временныхъ перспективъ и приведеніе ихъ къ одной общей объективной, установка одного общаго временнаго масштаба въ ней и, иаконецъ, распределеніе всевозможныхъ событій и дѣйствій по, соотвѣтствующимъ этому общему масштабу, мѣстамъ произошло совершенно *помимо и независимо отъ нашего мышленія*, что какъ будто-бы сама эта мнимая времененная дѣйствительность механически входила въ нашу душу по мѣрѣ того, какъ она нарождалась и вступала изъ небытія прошедшаго времени въ бытіе настоящаго затѣмъ, чтобы исчезнуть при наступленіи бытія будущаго. Вотъ, въ этомъ-то отсутствіи яснаго сознанія о своей собственной дѣятельности мышленія и корениится ошибочная сторона кантовскаго понятія a priori, по которому, хотя время и не реально, но однако субъективная идея его является субъекту сознанія, невѣдомо откуда, безъ всякаго его въ томъ участія....

Гранжанъ. Такъ, значитъ, вы, говоря о бевременности міра, отрицаете только временные промежутки между событіями, переживаемыми и наблюдаемыми нами, но не отрицаете дѣйствительности этихъ самыхъ событій.

Сократъ. Нисколько не отрицаю! Но, во избѣжаніе недоразумѣній долженъ еще прибавить, что, *отрицаю реальность времени*, т. е., реальность временныхъ промежутковъ между событиями, я въ то же время *отрицаю и пространственность* этихъ событий и *движение матеріи въ пространствѣ*, посредствомъ которыхъ для насъ обнаруживаются эти события. Отсюда слѣдуетъ, что, признавая реальность самомалѣйшихъ актовъ или дѣйствій существъ, составляющихъ міръ, я однако понимаю существованіе этихъ актовъ нѣсколько иначе,—не физически, а *метафизически*. Поэтому, чтобы отъ, кажущагося намъ, пространственно-временно-матеріального бытія перейти къ дѣйствительному бытію, надобно будетъ нѣсколько преобразовать тѣ понятія, которыя мы получаемъ, при посредствѣ нашего ежедневнаго опыта, дающаго намъ вместо дѣйствительныхъ вещей и ихъ отношеній только значки этихъ вещей и отношеній. Правильное истолкованіе этихъ значковъ всегда составляло и будетъ составлять задачу *метафизики*, той философской науки, которую въ настоящее время отрицаютъ люди, *мнящиe себя бытии научными*, и которой я остаюсь неизмѣнно-вѣрнымъ, хотя и недостойнымъ, поклонникомъ и представителемъ.

„Въ заключеніе я долженъ еще прибавить, что не могу покориться вашему увѣщанію ожидать отъ времени, которое, по моему, ничто и, слѣдовательно, ничего сдѣлать не можетъ, разрѣшенія тѣхъ или другихъ затруднительныхъ философскихъ вопросовъ. Единственнымъ средствомъ для этого разрѣшенія, находящимся въ нашемъ распоряженіи, всегда была, есть и будетъ *дѣятельность* нашего *разума*, а потому я съ своей стороны совсѣмъ довѣряться во всякомъ затрудненіи его руководству. Если мы иногда и впадемъ въ ошибку при употребленіи нашего разума, то освободить насъ отъ нея не ожиданіе чудесной помощи отъ времени, а только болѣе энергичная и напряженная дѣятельность того же самаго разума....“

Послѣ этихъ словъ Сократа Катерина Ивановна предложила ему и прочимъ гостямъ освѣжиться совершенно новымъ напиткомъ,

который она получила отъ того же пана Муссяловича, который, по ея словамъ, жилъ теперь въ Петербургѣ, занимаясь мелкимъ коммиссіонерствомъ или факторствомъ. Нашитокъ этотъ былъ ничто иное, какъ весьма старый медъ, который Муссяловичъ какимъ-то таинственнымъ образомъ досталъ изъ погребовъ одного польского магната. Къ этому меду Катерина Ивановна присоединила какое-то весьма вкусное и эфирное домашнее печенье, которымъ, по ея мнѣнію, слѣдовало заѣдать медъ. Когда поданъ быль на столъ медъ съ печеньемъ и когда Сократъ, выпивши меду, сказалъ похвальное слово его вкусу, аромату и крѣпости, то къ нему неожиданно обратился съ вопросомъ, молчавшій до сихъ поръ Калгановъ.

Калгановъ. Ну, теперь наступило время сказать и мое слово по поводу всего слышанного. Намедни въ этомъ же самомъ дому мой почтенный другъ утверждалъ, что *души никогда нѣтъ*¹⁾. Теперь же, должно быть, онъ будетъ утверждать, что ея и *никогда нѣтъ*. Такъ-ли, Сократъ Ивановичъ, души никогда нѣтъ? Вѣрно я угадалъ или нѣтъ?

Сократъ. Ишь! опять какую штуку выдумали! А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ вѣрно! Нельзя сказать, что *души нѣтъ*, но можно что ея *нигдѣ нѣтъ*, ибо она не существуетъ въ какомъ-либо мѣстѣ; но, по безвременности бытія и міра, ея и никогда нѣтъ, потому что она не существуетъ въ то или другое опредѣленное время. Конечно, для обыкновенного нашего способа выраженія, находящагося въ полной зависимости отъ языка и отъ того мышленія, которое создавало языкъ, нѣтъ ничего *странные и необычайные* выраженій, что души нѣтъ нигдѣ и никогда, а между тѣмъ философски это вѣрно. Но, какъ я уже не разъ говорилъ, намъ нѣтъ надобности, гоняясь за философскою *точностью*, коверкать общеупотребляемый языкъ и входить съ нимъ въ непосильную борьбу, а потому будемъ употреблять обыкновенный способъ выраженія, разумѣя при этомъ мысль въ ея истинномъ и философскомъ значеніи.

¹⁾ См. Бесѣду З-ю.

Этимъ и закончилась бесѣда о времени, такъ какъ было уже поздно. Затѣмъ собесѣдники подняли вопросъ, гдѣ и какъ сойтись въ слѣдующій разъ, и порѣшили собраться только черезъ недѣлю въ слѣдующее воскресеніе на цѣлый день къ Карамазовымъ, отпраздновать новоселье на ихъ дачѣ въ Царскомъ Селѣ.

Платонъ Калужскій.
